

А.А. Туаллагов

Алан Ахсарович Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Вадикавказского научного центра РАН, зав. отделом археологии, доктор исторических наук, Россия, Владикавказ, e-mail: alan167@mail.ru

Аланы и ислам

Аннотация. Статья посвящена некоторым примерам интерпретаций находок исламских артефактов в аланских погребениях. Материалы данных погребений свидетельствуют о приверженности их хозяев традиционным аланским верованиям. Поэтому попытки некоторых авторов трактовать их как отражение принятия ислама аланами следует признать ошибочными.

Ключевые слова: археологические данные, аланы, ислам.

Alan A. Tuallagov

Department of Archeology of the V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies VSC RAS, Dr., e-mail: alan167@mail.ru

Alans and Islam

Abstract. The article is devoted to some examples of interpretations of the finds of Islamic artifacts in Alanian burials. The materials of these burials testify to the adherence of their owners to the traditional Alanian beliefs. Therefore, the attempts of some authors to interpret them as a reflection of the acceptance of Islam by the Alans should be recognized as erroneous.

Keywords: archaeological data, Alans, Islam.

В ходе изучения истории раннего проникновения на Северный Кавказ различных монотеистических (авраамистических) религий исследователями закономерно привлекаются археологические материалы. Но не все из таких примеров можно признать корректными. Так, обращаясь к археологическим материалам «исламского круга» из Алании, невозможно всегда прямолинейно объяснять их наличие отражением исламизации их хозяев. Например, находки двух монетообразных амулетов VIII–IX вв. из могильника Мощевая Балка с куфическими надписями, к которым присоединяются находки из погребений возле Нижне-Архызского городища, объясняются не только их бытованием в аланской среде, но и тем, что амулеты носили аланы-мусульмане [18, с. 38–39].

Во-первых, могильник Мощевая Балка не является сугубо аланским. Как полагают исследователи, он принадлежал полиэтничному населению, включающему раннесредневековых алан, адыгоязычные народы и тюрков. Во-вторых, при публикации мусульманских «монетовидных» амулетов из Мощевой Балки четко определялось, что оба амулета использовались не по назначению. Пробитые отверстия указывали, что амулеты нашивались, видимо, на девичью диадему. На одном из амулетов надпись составлена неграмотно и не привлекала к себе интереса носителя [8, с. 31].

Исследователи уточняли, что амулеты первоначально, когда использовались в своей среде, были подвесными, что подтверждается не только наличием петель, но и их двусторонностью. При вторичном использовании они нашивались на девичью

диадему, как и брактеаты и индикации с византийских монет из другого погребения того же могильника. Причем лицевой стороной на первом амулете было изображение павлина, а не надпись.

Надписи на втором амулете почти не читаются, возможно, они были воспроизведены неграмотным ремесленником, а одна из них – даже, возможно, в зеркальном отражении. Причем две пробитые дырки для нашивания идут по диагонали по отношению к строчкам, а одна из них еще и повреждает строку, что свидетельствует об отсутствии внимания к надписи. Единственно возможным объяснением появления этих амулетов считается их принадлежность заезжим купцам, которые лишились их тем или иным способом [9, с. 358–360].

Другие исследователи также полагают, что амулеты могли быть получены «уголовным путем» и свидетельствуют о том, что новые владельцы не интересовались самими надписями, а изделия с исламскими символами были им непонятны [15, с. 107]. Судя по приведенным прорисовкам амулетов из Нижнего Архыза [18, с. 39, рис. 6], их использование было аналогичным. Собственно, использование монет в качестве амулетов и украшений было известно на Центральном и Северо-Восточном Кавказе и ранее, например сасанидских монет. В том же ряду стоят и монеты-амулеты Мощевой Балки [21, р. 902].

О том, что невозможно трактовать подобные отдельно взятые находки как указание на мусульманское исповедание погребенных, наглядно свидетельствуют, например, находки двух серебряных монет в аланской катакомбе № 93 Верхне-

Салтовского IV могильника IX в. В ней были погребены мужчина и женщина, которую сопровождали, в том числе, две серебряные арабские монеты 714/715 и 795/796 г. выпуска. Они были превращены в подвески путем приклепывания к ним бронзовых пластинчатых ушек. Обряд погребения и сопровождающий инвентарь указывают на приверженность аланским традиционным верованиям. Причем погребенная с аланом, принадлежавшим к воинской верхушке общества, супруга была не этнической аланкой, а, вероятно, славянкой [3, с. 247, 254, 255, рис. 8].

Аналогичное положение раскрывается при обращении и к иным погребениям того же могильника. Две специально обрезанные в кружок и с пробитыми парными отверстиями серебряные монеты сопровождали погребение девочки в катакомбе № 119. Они выполняли роль традиционных бляшек-нашивок на головную ленту или шапочку, которая у алан носилась девочками, прошедшими обряд инициации, но еще не достигшими брачного возраста. Подобным образом использовались серебряные монеты из катакомбы № 103 того же могильника и из подбойного погребения № 13 Верхне-Салтовского I могильника. В катакомбе № 72 Верхне-Салтовского IV могильника серебряные монеты с пробитыми отверстиями зафиксированы на груди погребенной девушки. Возможно, они служили пришитыми к платью окончаниями ожерелья из стеклянных, каменных и сердоликовых бус.

У женщины, погребенной в той же катакомбе № 119, семь серебряных монет входили в состав обшивки горловины платья, а другие три серебряные монеты входили в состав традиционного нагрудного ожерелья в качестве подвесок, для чего к ним были приклепаны бронзовые петли. Судя по отверстиям на части из них, ранее они использовались и как нашивки, вероятно, перейдя с возрастом с головной ленты на нагрудное ожерелье, сменив функции защиты головы на защиту груди, видимо, выступая зрительным символом луны. Две бронзовые арабские монеты входили в состав такого ожерелья погребенной женщины из катакомбы № 30, а одна – из катакомбы № 52. Места расположения отверстий и бронзовых петель на части монет дополнительно указывают на то, что сами арабские надписи, т. е. представленные в них исламские формулы, вообще не интересовали алан.

Данные нашивки и подвески свидетельствовали не только о высоком имущественном и социальном статусе погребенных, но и отражали традиционные для алан неисламские верования [19, с. 219; 20, с. 270–271; 4, с. 293, рис. 3; 1, с. 289, 291, рис. 2, 293, 297, 298, рис. 6, 300; 2, с. 101, рис. 1, 5, 7, 102, 103, 104, рис. 2, 4, 106, рис. 4, 3, 107], вероятно, связанные с культом луны и Великой Богини. Отмеченная смена функций серебряных монет в катакомбе № 119 идет в русле традиционных представлений алан, что резко противопоставляет их исламскому мировоззрению.

Такое вторичное, не связанное с исламским вероисповеданием, использование арабской предметики не было единично. Например, в исследованной катакомбе № 66 Даргавского могильника были погребены ребенок и две женщины. На тлене от таза одной из погребенных был обнаружен бронзовый наконечник ремня с изображением животного кошачьей породы и арабской надписью: «На вечное уважение» [6, с. 115–116]. Данный наконечник

Рис. 1.

(рис. 1) явно прежде принадлежал мужскому поясу, что свидетельствует о вторичности его использования в аланском погребении вне связи с прежней исламской традицией. В катакомбе Е могильника Чми был обнаружен бронзовый литой перстень с арабской надписью: «Бога мне достаточно». Здесь же зафиксирован и другой литой бронзовый перстень, но уже со штампованным «византийским» крестом [17, с. 191].

Некоторые авторы заявляют, что наличие в среде алан «мусульманского сегмента документировано соответствующими источниками». «Источником» здесь служат материалы богатого аланского погре-

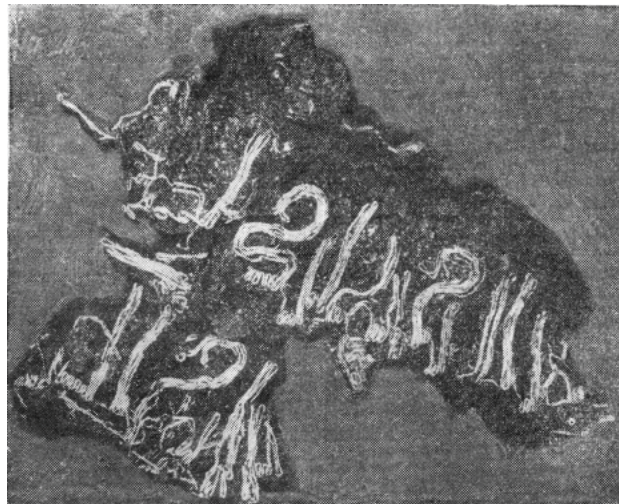

Рис. 2.

бения из катакомбы № 14 Змейского могильника, в которой был найден фрагмент ткани с вышитой золотой нитью арабской фразой (рис. 2). Погребенный в катакомбе алан, по мнению автора, мог быть мусульманином [5, с. 363]. Видимо, следует уточнить. Надпись на коричневой шелковой ткани была двусторонней: с одной стороны – письмо куфи, с другой стороны – письмо насх. Надпись гласила: «Во имя Ал[лаха всемило]стивого всемилосердно-го. Благодарь...». Далее должно было следовать имя владельца. Надпись датируется первыми десятилетиями XII в., а само погребение – серединой XII в. Его материалы [11, с. 82–87, 127, 134] однозначно свидетельствуют, что погребения в катакомбе № 14 совершены по традиционному обряду алан, исповедовавших собственную традиционную религию.

Конечно, можно допустить, как уже было ранее предложено, что один из погребенных «имел какие-то контакты с мусульманством, возможно, формально был обращен, но похоронен по традиционному аланскому ритуалу, и это о многом говорит» [13, с. 76–77]. Говорит это о многом, если учитывать, что даже налобная повязка зафиксирована не на должном для себя месте, а в обрывках покрывала седла, что, конечно, не дает оснований, как иногда случается [10, с. 300–301], относить ее к конскому убору. Но и помещение повязки «у из-

головья воина» [13, с. 75] также не относит ее к использованию в качестве налобной, поскольку место находки определяется положением в изголовье погребенного иного сопутствующего инвентаря. Никакой связи находки с использованием повязки как покрытия лица погребенного тканью – мусульманского погребального канона [16, с. 171] – здесь не наблюдается.

Как отмечали исследователи, она была, несомненно, завезена с мусульманского Востока. Об этом свидетельствует и найденная в катакомбе № 25 янтарная подвеска-печать с мусульманским именем «Мухаммед Али-заде», которая, как отмечали, скорее всего была азербайджанской по происхождению [12, с. 44; 14, с. 72, 73]. Интересно, что непосредственный источник, например, орнаментальных мотивов одежды из катакомбы № 14 усматривают в декоре архитектурного убранства средневековых христианских храмов Абхазии [7, с. 452]. В конечном итоге, ориентировка погребенных, погребальный обряд, материалы погребения № 14, особенно изобразительные памятники, находятся в прямом противоречии с исламскими канонами. Поэтому вполне можно предполагать [15, с. 144], что предмет имел первоначально иного владельца или был подарком от мусульманина. В любом случае он никак не связан с якобы исламским вероисповеданием погребенного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксёнов В.С. Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника // *Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2015. Вып. 13. С. 288–305.*
2. Аксёнов В.С. Реконструкция костюма аланских женщин по археологическим материалам раннесредневекового катакомбного могильника у с. Верхний Салтов // *Древности 2017. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2017. Вып. 15. С. 99–109.*
3. Аксёнов В.С., Лаптева А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // *Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2009. Вып. 8. С. 242–258.*
4. Аксёнов В.С., Хоружая М.В. Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника // *Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. Вып. 4. С. 288–294.*
5. Гадиев У.Б. К истории ислама в Инеушетии и на Центральном Кавказе // *Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура: Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Бедхароева. – СПб; Магас, 2011. С. 362–363.*
6. Дзаттиаты Р.Г., Туаллагов А.А. К вопросу об алано-арабских связях // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас. 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Магас, 2010. С. 115–116.*
7. Доде З.В. К вопросу об алано-византийских связях на примере декоративно-прикладного искусства // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. – Карачаевск, 2018. С. 452.*
8. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. – СПб., 1992. 33 с. + илл.
9. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 384 с.
10. Кадиева А.А. Фрагмент ткани с золотым шитьем // *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. – М., 2016. С. 300–301.*
11. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // *Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. – Орджоникидзе, 1961. С. 62–134.*
12. Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. – М.: Искусство, 1974. 140 с.
13. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV вв. – Владикавказ, 2003. 191 с.
14. Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. – Пятигорск: СНЕГ, 2010. 223 с.
15. Прокопенко Ю.А., Чаплыгина С.Ф. Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого Шелкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V–начале XIII веков. – Ставрополь: Печатный Двор, 2017. 272 с.
16. Савенко С.Н. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н. э. // *Археология евразийских степей. – Пятигорск – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. 384 с.*
17. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Есте-

ственно-исторического музея) // Аланы: история и культура. ALANICA—III. – Владикавказ, 1995. С. 184–258.

18. Хатыев Р.Т., шейх Биджи М.А. Алания мусульманская. Очерк конфессиональной истории Центрального Кавказа VII–XV вв. – Черкесск: «Аланский Эрмитаж», 2011. 207 с.

19. Хоружая М.В. Захоронения в ямах с подбоем Верхне-Салтовского катакомбного могильника (по материалам раскопок 1984–2012 гг.) // Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2013. Вып. 11. С. 201–224.

20. Хоружая М.В. Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации) // Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2015. Вып. 13. С. 257–274.

21. Jeroussalimskaya A. A propos de l'influence Sassanide sur l'art des tribus Alain. Sune trouvaille au Caucase du Nord // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Edenda curaverunt. Gent, 1989. Vol. II. P. 897–916.*

REFERENCES

1. Aksyonov V. Rich Catacomb Burial Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) Burial-IV // *Antiquities 2014–2015. Kharkiv historical and archaeological yearbook. Kharkiv, 2015. Iss. 13. P. 288–305.*
2. Aksyonov V. Reconstruction of dress of the Alanian women in accordance with the archeological materials of the early middle-ages catacomb cemetery in Verkhni Saltov Village // *Antiquities 2017. Kharkiv historical and archaeological yearbook. Kharkiv, 2017. Iss. 15. P. 99–109.*
3. Aksyonov V., Laptev A. About the Question of Slavic-saltov Contacts (on the Example of the Catacomb № 93 in Verhni Saltov Burial Ground) // *Antiquities 2009. Kharkiv historical and archaeological yearbook. Kharkiv, 2009. Iss. 8. P. 242–258.*
4. Aksenov V., Horujaya M. Catacomb № 72 of Verhne-Saltov Grave // *Antiquities 2005. Kharkov historical and archaeological yearbook. Kharkov, 2005. Iss. 4. P. 288–294.*
5. Gadiev U. B. On the history of Islam in Ingushetia and the Central Caucasus // *Islam in Russia and beyond: history, society, culture: Collection of materials of International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the death of an outstanding religious figure, sheikh Batal-Haji Bedkharoev. St. Petersburg; Magas, 2011. P. 362–363.*
6. Dzattiaty R. G., Tuallagov A. A. To the question of Alano-Arabian relations // *Problems of chronology and periodization of archaeological monuments and cultures of the North Caucasus. XXVI «Krupnov readings» on the archaeology of the North Caucasus. Magas. April 26–30, 2010. Abstracts of the International Scientific Conference. Magas, 2010. P. 115–116.*
7. Dode Z. V. To the question of Alano-Byzantine relations on the example of decorative and applied art // *Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. XXX «Krupnov readings» on the archaeology of the North Caucasus. Materials of the International Scientific Conference. Karachayevsk, April 22–29, 2018. Karachayevsk, 2018. P. 452.*
8. Ierusalimskaja A. A. Caucasus at the Silk Road. Temporary exhibition catalogue. St. Petersburg, 1992. 33 p. + ill.
9. Ierusalimskaja A. A. MoshctevayavBalka: an unusual archaeological site at the North Caucasus Silk Road. St. Petersburg: The State Hermitage Publisher, 2012. 384 p.
10. Kadieva A. A. Fragment of cloth with gold embroidery // *Ibn Fadlan's Journey: Volga route from Baghdad to Bulghar. Exhibition catalogue. Moscow, 2016. P. 300–301.*
11. Kuznetsov V. A. Zmeyskaya catacomb necropolis (excavation 1957) // *Archaeological site near Zmeyskaya, North Ossetia. Proceedings of the archaeological expedition 1953–1957. Ordzhonikidze, 1961. P. 62–134.*
12. Kuznetsov V. A. Journey to ancient Iriston. Moscow: Iskusstvo, 1974. 140 p.
13. Kuznetsov V. A. Elkhotov gate in the X–XV centuries. Vladikavkaz, 2003, 191 p.
14. Kuznetsov V. A. Journey to ancient Iriston. Pyatigorsk: SNOW, 2010. 223 p.
15. Prokopenko Yu. A., Chaplygina S. F. Central Ciscaucasia in the space of the Great Silk Road and other Transcaucasian trade routes of the influence in the V–beginning of the XIII century. Stavropol: Print Yard, 2017. 272 p.
16. Savenko S. N. The Alan society's development characteristic in the North Caucasus social according to the necropolis catacombs X–XII centuries AD // *Archeology of the Eurasian steppes. Pyatigorsk–Kazan: Publishing House «Kazan Real Estate», 2017. 384 p.*
17. Heinrich A. Early Medieval necropolis catacombs near the villages of Chmi and Koban (based on the materials of the Vienna Natural History Museum) // *Alans: history and culture. ALANICA—III. Vladikavkaz, 1995. P. 184–258.*
18. Khatuev R. T., sheikh Biji M. A. Alania Muslim. Essay on the confessional history of the Central Caucasus in the VII–XV centuries Circassian: «Alanian Hermitage», 2011. 207 p.
19. Horuzhaya M. Burials in pits with kerving of Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) catacomb burial ground (based on excavations of 1984–2012 years) // *Kharkiv historical and archaeological yearbook. Kharkiv, 2013. Iss. 11. P. 201–224.*
20. Horuzhaya M. Children's graves from catacombs of Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) archaeological complex (an attempt of age-sex and social interpretation) // *Antiquities 2014–2015. Kharkiv historical and archaeological yearbook. Kharkiv, 2015. Iss. 13. P. 257–274.*
21. Jeroussalimskaya A. A propos de l'influence Sassanide sur l'art des tribus Alain. Sune trouvaille au Caucase du Nord // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Edenda curaverunt. Gent, 1989. Vol. II. P. 897–916.*

